

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(21)

2011

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), *А. А. Алексеев*, *Х. Андерсен* (США), *Ю. Д. Апресян*, *А. Богуславский* (Польша), *И. М. Богуславский*, *Д. Вайс* (Швейцария), *Ж. Ж. Варбот*, *А. Везбицкая* (Австралия), *А. А. Гиппиус*, *М. Ди Сальво* (Италия), *Д. О. Добровольский*, *В. М. Живов*, *А. Ф. Журавлев*, *А. А. Зализняк*, *Е. А. Земская*, *Х. Кайперт* (Германия), *Л. Л. Касаткин*, *Э. Кленин* (США), *А. Д. Кошелев*, *Л. П. Крысин*, *Р. Лясковский* (Швеция), *Х.-Р. Мелиг* (Германия), *И. Мельчук* (Канада), *Н. Б. Мечковская* (Беларусь), *Е. В. Падучева*, *А. А. Пичхадзе* (ответственный секретарь), *В. А. Плунгян*, *Т. В. Рождественская*, *Д. В. Сичинава*, *А. Тимберлейк* (США), *Х. Томмола* (Финляндия), *М. Флайер* (США), *А. Я. Шайкевич*, *А. Д. Шмелев*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе*, *Е. И. Державина*

Корректоры *Г. Эрли*, *Е. Сметанникова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 19.05.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2011
© Авторы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>М. А. Холодилова.</i> Релятивизация позиции посессора в русском языке	5
<i>С. А. Крылов.</i> Типы диатез в русском языке	47
<i>М. А. Петрова.</i> Специфика форм совершенного вида модальных глаголов со значением возможности: <i>смочь</i> и <i>суметь</i>	77
<i>О. Г. Ровнова.</i> Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах	110
<i>А. А. Пичхадзе, А. В. Родионова.</i> О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке	127
<i>Ю. Маруяма.</i> К вопросу о распределении форм двойственного числа в русских житийных памятниках начала XV в. (на материале «Жития Стефана Пермского» и «Жития Сергия Радонежского»)	162
<i>И. И. Макеева.</i> Описание акцентной микросистемы русской рукописи XVII в.	189
<i>В. Л. Васильев.</i> <i>Врѣв</i> и <i>урѣв</i> (этимология, семантика, ареал)	241
<i>Я. А. Пенькова.</i> Императив <i>буди</i> в памятниках XV века: к вопросу о формировании неопределенных местоимений на <i>-нибудь</i> в русском языке	251
<i>М. А. Бобрик.</i> Просвѣщаєси в Новгородской псалтыри на воске	266

Информационно-хроникальные материалы

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2010 г. (под общ. ред. <i>О. Г. Ровновой</i>)	275
Экспедиция в Архангельскую область (<i>Е. В. Колесникова, О. Г. Ровнова</i>)	275

Экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области (<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, Е. В. Колесникова</i>)	280
Экспедиции в Почепский район Брянской области (<i>Н. Л. Голубева</i>)	282
Экспедиции во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области (<i>И. И. Исаев, С. В. Дьяченко</i>)	285
Экспедиции в Белгородскую, Липецкую, Владимирскую области (<i>А. В. Тер-Аванесова</i>)	289
Экспедиция в Молдавию (<i>Л. Л. Касаткин</i>)	293
Экспедиция в Луганскую область Украины (<i>Е. В. Колесникова</i>)	296
Экспедиция в Бразилию (<i>О. Г. Ровнова</i>)	298
Хроника VI Международной научной конференции «Фонетика сегодня» (<i>Е. Л. Арзиани</i>)	303

Рецензии

Olga T. Yokoyama. Russian Peasant Letters. Part 1—2 //	
Slavistische Studienbücher, Neue Folge / Hrsg. Von H. Günther, H. Jachnow. Bd. 18. Wiesbaden, 2008. — 439, 471 pp. (<i>Р. Ф. Касаткина</i>)	310
Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2009. — 240 с. (<i>А. А. Соколянский</i>)	315

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. ХОЛОДИЛОВА

РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ПОЗИЦИИ ПОСЕССОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Данная статья посвящена рассмотрению структурных и семантических свойств предложений, подобных следующим:

- (1) *Его взгляд светился неподдельной любовью и дружбой, более того, искренним интересом к человеку, руку **которого** он пожимал в этот момент (Яндекс)*².
- (2) *Не забудьте посмотреть в глаза человеку, **которому** пожимаете руку (Яндекс).*
- (3) *Каждый человек, **чью** руку я пожимаю, в этот момент для меня важнее всех на свете (Яндекс).*

Эта группа примеров выделена на основании следующих двух признаков.

Во-первых, все эти примеры содержат **относительную конструкцию**. Под относительной конструкцией понимается «конструкция, состоящая из имени ⟨...⟩ (эта позиция может быть не заполнена) и зависимой клаузы, которая интерпретируется как определение к этому имени. Такое имя называется вершиной, а зависимая клауза — относительной клаузой. Относительная клауза находится в таком определительном отношении к вершине, что вершина задействована в том, что сообщается в относительной клаузе» [Lehmann 1986: 664].

¹ Представленное в статье исследование было поддержано грантом РГНФ № 09-04-00264а «Грамматика определительных вторичных предикаций (релятивизация в русском языке)» и грантом президента РФ НШ-3688.2010.6 «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова».

Я хотела бы поблагодарить С. С. Сая за помощь на разных этапах исследования и работы над статьей, а также Е. А. Лютикову за ценные замечания к ранней версии данного текста.

² Большая часть примеров в работе найдена с помощью поисковой системы «Яндекс» или Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru, далее НКРЯ).

Во-вторых, в примерах (1)—(3) релятивизируется **позиция посессора**, т. е. общий участник главной и зависимой клауз занимал бы позицию посессора, если бы значение зависимой клаузы было выражено в качестве отдельного предложения, как в (4), ср. с (3).

(4) *Яжимаю руку (этого) человека.*

В настоящей работе понятие «позиция посессора» трактуется расширенно: посессором считается всякий участник, который занимает ту же синтаксическую позицию, что и посессор в любой конструкции, способной выражать **прототипические посессивные значения** (отчуждаемой и/или неотчуждаемой принадлежности и/или родственные отношения). Аналогично определяется позиция обладаемого. Так, например, в словосочетании *стакан воды* вода признается посессором, а стакан — обладаемым, поскольку в примерах, подобных (4), та же конструкция используется для выражения неотчуждаемой принадлежности.

В русском языке для релятивизации позиции посессора обычно используется одна из следующих посессивных конструкций: конструкция с приименным генитивным зависимым (1), конструкция с внешним посессором (2) или конструкция с притяжательным местоимением *чей* (3)³. Кроме того, существуют предикативные способы выражения посессивности, которые в настоящей работе рассматриваться не будут.

Свойства основных посессивных конструкций при релятивизации будут рассмотрены в разделах 2—4. В разделе 5 будет рассмотрена конкуренция двух наиболее частотных при релятивизации позиции посессора типов относительных клауз — с маркерами *который* и *чей*.

2. Конструкция с приименным генитивом

2.1. Зависимость свойств конструкции от выбора относительного местоимения

При релятивизации позиции посессора в конструкции с приименным генитивом в большей или меньшей степени допустимо использование следующих относительных местоимений: *который, что, какой, каковой, кой и кто*⁴.

³ Значительно реже, особенно в письменных текстах, ориентированных на литературную норму, используются стратегия релятивизации, маркером которой является союз *что* (i), и бессоюзная релятивизация (ii). Далее в работе они не рассматриваются.

(i) *а ты той тётке, что я тебе телефон давала, дозвонилась, или это она и есть ненормальная?* (Яндекс);

(ii) {О собаках:} *вот ту девочку помнишь, я фотографию показывала* (Яндекс).

⁴ В истории языка для релятивизации, в том числе для релятивизации позиции посессора, могло использоваться также старославянское и древнерусское союзное слово *иже*:

В современном языке стилистически и грамматически наиболее нейтральным является местоимение *который*. Некоторые свойства относительных клауз, содержащих данное местоимение, будут рассмотрены далее (см. 2.2—2.4 и разд. 5)⁵.

Местоимение *что* при релятивизации позиции посессора (как и прочих позиций, см., например, [Янович, Грунтова 2007]) используется только в том случае, если вершина не содержит существительного и референтом именной группы в целом является неодушевленный объект, ср. (5а—б)⁶:

- (5а) *Невозможно бороться против того, частицей чего являешься сам* (И. Кузьмичев. Дом на канале // Звезда. 2003) (НКРЯ);
(5б) **Невозможно бороться против того общества, частицей чего являешься сам.*

При этих условиях местоимение *что* является не только допустимым, но и единственно возможным средством релятивизации.

По своим свойствам при релятивизации посессора во многом сходны относительные местоимения *какой*, *каковой* и *кто*. Все эти местоимения невозможны или крайне редки при релятивизации генитивной позиции в центральных значениях — посессора в узком смысле и аргументов при номинализации. Значительно более частотными эти местоимения оказываются в различных количественных конструкциях, в качестве зависимых при числительных, нумеративах (6), количественных именах (7) и кванторных словах, требующих генитива (*много*, *несколько*):

- (6) *Как быть с нами, с теми кого три человека?*⁷ (Яндекс);
(7) *Это оказалось не очень хорошей идеей, т. к. ребенок схватил самую обычную машинку, каких у него целое ведро, и мы никак не могли уговорить его поменять на что-то более интересное* (Яндекс).

Данные о частотности позиции посессора у различных относительных местоимений по сравнению с частотностью этих местоимений в целом

(ii) *По учинении Епархии Санктпетербургской, оная* (Духовного Правления Консistorия. — М. Х.) *поручена в правление, яко по должности, тому Архиепископу, его же есть Правление Епархии* (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)) (НКРЯ).

⁵ О свойствах относительных клауз с местоимением *который* безотносительно к релятивизируемой позиции см., прежде всего, статьи [Зализняк, Падучева 1979] и [Лютикова 2009].

⁶ При релятивизации посессора, как и при релятивизации других позиций, местоимение *что* может соотноситься не с именной группой, а с предшествующей клаузой:

(i) *При таком развитии событий доверие к финансовым рынкам будет подорвано, следствием чего станет кумулятивный спад* (А. Казинцев. Симулякр, или Стекольное царство (2003) // Наш современник, 2003.11.15) (НКРЯ).

⁷ Здесь и далее в работе сохраняются пунктуация и орфография оригинала.

приведены в табл. 1. При попарном сравнении результатов для местоимений *каковой*, *кто* и *какой* с результатами для местоимения *который* различие во всех случаях статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 1

**Частотность релятивизации посессора
в относительных клаузах с различными относительными местоимениями⁸**

	Всего	Посессор, кроме количественных конструкций	% посессора
<i>кой</i>	196	25	13 %
<i>который</i>	19863	720	4 %
<i>каковой</i>	1468	8	1 %
<i>кто</i>	1985	0	0 %
<i>какой</i>	547	0	0 %

Набор позиций, в которых относительные местоимения *каковой*, *кто* и *какой* обычно используются при релятивизации посессора (в количественных конструкциях с вершинами различных типов), полностью совпадает с отмеченным в [Лютикова 2009: 484—489] набором позиций, в которых генитивное зависимое может отрываться от своей вершины и, следовательно, относительное местоимение может оказываться в абсолютном начале клаузы. Можно предположить, что редкость этих местоимений в позиции посессора в какой-то мере связана с их предпочтительностью в начальной позиции. В случае с местоимением *кто* предположение о связи этих двух факторов получает дополнительное подтверждение: в неколичественных конструкциях оказывается очень частотным порядок слов с препозицией относительного местоимения, как в (8), в современном языке почти невозможный у относительных клауз с местоимением *который*⁹:

(8) *Сейчас попробую обзвонить всех кого телефоны знаю* (Яндекс).

Как видно из табл. 2, предпочтение препозиции характерно только для относительного местоимения *кто*, но не для его вопросительного аналога. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 2

**Частотность постпозиции и препозиции
вопросительного и относительного местоимений *кто* (Яндекс)**

	<i>телефоны</i> <i>кого</i>	<i>кого</i> <i>телефоны</i>	Доля препозиции местоимения
Вопросительное <i>кто</i>	9	1	0,1
Относительное <i>кто</i>	10	39	0,8

⁸ Данные в табл. 1 не отражают сравнительную частотность относительных местоимений.

⁹ О возможности такого порядка слов ранее в истории языка см. в разделе 2.4.

Местоимение *кой*, напротив, очень частотно при релятивизации позиции посессора (см. данные в табл. 1). В какой-то мере сравнительная частотность местоимения *кой* в данной позиции объясняется отмеченной в [Кагарлицкий 2004: 148] редкостью у него форм именительного падежа единственного числа (*кой, коя, кое*) и винительного падежа женского рода (*кою*). Однако, как видно из данных в табл. 3, даже если исключить из рассмотрения эти редкие формы, доля приименного генитива от общего количества форм для местоимения *кой* значительно выше, чем у местоимения *который* (χ^2 , $P = 0,02$).

Таблица 3

Частотность приименного генитива у местоимений *кой* и *который*

	Форм генитива	Всего форм без форм nom.sg и acc.sg.f	% генитива
<i>кой</i>	44	228	19 %
<i>который</i>	1841	12997	14 %

2.2. Позиция обладаемого

Местоимение *который* в родительном падеже часто входит в состав именной группы, управляемой предлогом. Как видно из табл. 4, для местоимения *который* доля таких примеров от всех случаев использования в качестве приименного генитивного зависимого значительно больше, чем для существительных. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 4

**Местоимение *который* и существительное
в качестве генитивных зависимых в составе именной группы¹⁰**

	[P [N + Gen]]	[N + Gen] всего	% ИГ в составе ПГ
<i>который</i>	390	1069	36,5 %
Существительное	4398	15978	27,5 %

Интересно, что близкое противопоставление может приводить к различию по грамматической допустимости: согласно [De Vries 2006], во всех германских языках (кроме, возможно, английского) релятивизация именной группы с помощью постпозитивного (предложного) зависимого с выносом всей именной группы в начало клаузы возможна только в том случае, если эта именная группа входит в состав предложной группы (ср. примеры из нидерландского (9)—(10) [De Vries 2006]).

¹⁰ При расчетах не учитывались в большей или меньшей степени лексикализованные сочетания, такие как *в ходе*, *в качестве* и *на фоне*, которые особенно частотны при релятивизации.

- (9) **Ik ken de man de vader van wie je hebt*
 я знаю DEF человек DEF отец PREP кто ты имеешь
uitgenodigd, niet.
 пригласить.PTCP не
 ‘Я не знаю человека, отца которого ты пригласил’.
- (10) *Ik ken de man met de vader van wie je gisteren*
 я знаю DEF человек с DEF отец PREP кто ты вчера
hebt gesproken, niet.
 имеешь говорить.ptcp не
 ‘Я не знаю человека, с отцом которого ты вчера говорил’.

2.3. Сочинение посессоров

Рассматривая синтаксические свойства местоимения *который*, Е. А. Лютикова отмечает, что «очевидное ограничение на относительный вынос сочинительной конструкции состоит в том, что ОМ (относительное местоимение. — М. Х.) не должно являться одним из конъюнктов» [Лютикова 2009: 460]¹¹. Так, возможным оказывается предложение (11а), в котором относительное местоимение входит в именную группу, которая является одним из конъюнктов, но не предложение (11б), в котором это местоимение само является одним из конъюнктов:

- (11а) *Библейский счет поколений является единственной основой для библейской хронологии вплоть до правления царя Соломона, [царствование **которого**] и [некоторые последующие события ветхозаветной истории] уже могут быть датированы по другим источникам* [Лютикова 2009: 461];
- (11б) **Библейский счет поколений является единственной основой для библейской хронологии вплоть до правления царя Соломона, [**который**] и [последующие правители] жили уже в историческое время* [Лютикова 2009: 461].

Поиск в НКРЯ показывает, что в большинстве случаев это правило соблюдается.

Однако при релятивизации посессора это правило может в некоторых контекстах нарушаться: местоимение *который* может являться одним из конъюнктов в ряде случаев, когда сочиненной именной группой управляет существительное с двумя семантическими валентностями, которые и выражаются конъюнктами, как в (12а)¹²:

¹¹ Ср. также сходное утверждение в [Зализняк, Падучева 1979: 308].

¹² То же верно для предлога *между*:

- (i) *С.-д. фракция меньшевиков, между **которой** и Гапоном, как мы выше сообщали, пробежала черная кошка, вовсе уклонилась от участия в конференции* (В. М. Чернов. Личные воспоминания о Г. Гапоне (1906)) (НКРЯ).

- (12a) *И еще одной причиной его радости было то, что до революции Александр Николаевич и его сестра Надя жили в Козицком переулке, на углу **которого** и улицы Горького стоит наш дом* (Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004)) (НКРЯ).

Релятивизоваться при этом может только первый конъюнкт:

- (12б) ^{???}... *Александр Николаевич и его сестра Надя жили в Козицком переулке, на углу улицы Горького и **которого** стоит наш дом.*

Наличие двух симметричных семантических валентностей является необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы местоимение *который* могло быть конъюнктом. Так, из существительных, перечисленных в табл. 5, примеры на сочинение посессоров зафиксированы только для слов *угол*, *пересечение* и *соотношение*. Сконструированные примеры с прочими существительными представляются не вполне допустимыми:

- (13) ^{???}*Онегин, дружба **которого** и Ленского закончилась трагически, ...*

В табл. 5 собраны данные о частотности сочинения посессоров по сравнению с другими конструкциями, выражающими близкое значение, при различных существительных (*дружба Онегина и Ленского* vs. *дружба Онегина с Ленским / между Онегиным и Ленским*). Из данных в таблице можно заключить, что релятивизация одного из сочиненных посессоров возможна только при тех существительных, для которых сочинительная конструкция является основным способом выражения актантов. В табл. 5 в отдельных столбцах приводятся данные о суммарном количестве различных конструкций для слов, допускающих релятивизацию одного из сочиненных посессоров (*угол*, *соотношение*, *пересечение*), и для остальных рассмотренных существительных.

Не вполне очевидно, какие свойства «обладаемых» определяют частотность сочинительной конструкции при посессорах, выраженных именными группами, и ее допустимость при релятивизации¹³. Можно лишь заключить, что, по всей видимости, набор этих свойств совпадает, однако при посессорах, выраженных именными группами, они оказывают влияние только на количественное распределение, а при релятивизации сказываются на допустимости или недопустимости предложения¹⁴.

¹³ Как кажется, для допустимости релятивизации необходимо, чтобы свойства обладаемого напрямую выводились из базовых свойств посессоров. Ср., например, пару слов *соотношение* и *отношение*: знания двух чисел достаточно, чтобы определить их соотношение, тогда как отношение людей не определяется с той же очевидностью по их свойствам. Возможно, именно с этим свойством связана допустимость релятивизации в первом случае (*соотношение **которого** и диаметра сифона*) и недопустимость во втором (^{???}*отношения **которого** и отца*).

¹⁴ Нельзя, впрочем, полностью исключить, что на допустимость релятивизации одного из конъюнктов в какой-то мере влияет сама частотность сочинительного способа оформления актантов вне контекста релятивизации. Важно, однако, отме-

Таблица 5

**Частотность различных стратегий выражения актантов
при существительных с двумя семантическими валентностями**

	X и Y		X с Y		между X и Y		Доля сочинительной конструкции	
<i>угол</i> ¹⁵	111		0		2		0,98	
<i>соотношение</i>	406	526	25	31	93	95	0,77	0,81
<i>пересечение</i>	9		6		0		0,60	
<i>отношение</i>	882		332		772		0,44	
<i>родство</i>	18		27		4		0,37	
<i>различие</i>	175		1		317		0,36	
<i>связь</i>	577		625		463		0,35	
<i>дружба</i>	47		66		34		0,32	
<i>сходство</i>	45	2086	72	1973	44	1849	0,28	0,35
<i>столкновение</i>	61		121		38		0,28	
<i>встреча</i>	153		426		15		0,26	
<i>война</i>	93		161		132		0,24	
<i>сравнение</i>	26		93		7		0,21	
<i>ссора</i>	9		49		23		0,11	

2.4. «Эффект крысолова» с препозицией относительного местоимения

В русском языке при релятивизации относительное местоимение чаще всего находится в позиции на левой периферии клаузы. Эта линейная позиция часто отличается от той, которую в независимом предложении обычно занимает именная группа с той же синтаксической ролью. При этом в позицию на левую периферию клаузы может «смещаться» не только само относительное слово, но и некая более крупная единица, в состав которой оно входит. Это явление, известное как «эффект крысолова», иллюстрирует пример (14б—в), ср. с (14а)¹⁶:

(14а) Я пользуюсь терминологией (этого) ученого;

(14б) *ученый, **которого** я пользуюсь терминологией;

(14в) ученый, терминологией **которого** я пользуюсь.

тить, что в таком случае значима относительная, а не абсолютная частотность сочинения для данного слова; ср. данные для слов *пересечение* и *отношение*: абсолютная частотность сочинительной конструкции для слова *отношение* значительно выше, однако релятивизация одного из посессоров при нем невозможна.

¹⁵ При расчетах учитывалось только географическое значение слов *угол* и *пересечение*.

¹⁶ Здесь и далее термин «эффект крысолова» используется только в качестве короткого и сравнительно распространенного обозначения для данной группы примеров. Его использование не предполагает каких-либо теоретических предположений, связанных с сущностью этого явления.

В истории русского языка на протяжении долгого времени относительное местоимение в форме родительного падежа могло предшествовать своей вершине, при том что эта вершина часто находилась в позиции, «смещенной» по отношению к позиции, обычной для именных групп с той же синтаксической ролью:

- (15) *Дело в том только, чтоб грамматика знала свои границы и слушалась языка, **которого** правила объясняет...* (В. Г. Белинский. Общая риторика Н. Ф. Кошанского (1844)) (НКРЯ).

В XVIII в. такой порядок слов был основным и нарушался достаточно редко, впоследствии же, как видно из табл. 6, доля таких примеров стала падать, так что в современном языке такой порядок слов невозможен, кроме контекстов, предполагающих стилизацию под архаичный язык.

Таблица 6

Частотность препозиции и постпозиции относительного местоимения *который*¹⁷

	1700— 1800	1801— 1850	1851— 1900	1900— 1950	1951— 2007
<i>который</i> в препозиции	15	21	8	3	1
<i>который</i> в постпозиции	0	10	20	83	584
Доля препозиции	1,000	0,678	0,286	0,035	0,002

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, комментируя это явление, отмечают, что в XIX веке, когда была допустима препозиция местоимения *который*, в препозиции могло находиться и существительное-посессор [Зализняк, Падучева 1979: 321].

Е. А. Лютикова приводит следующие аргументы, доказывающие, что между существительными и относительными местоимениями в данном случае существует некоторое различие: во-первых, у существительных «в большинстве случаев (...) препозитивно используется «генитив качества», грамматичный и в современном русском языке (*большого ума человек, редкой красоты ожерелье*)»; во-вторых, частотность препозиции для существительных значительно ниже [Лютикова 2009: 505—506]. Из этого делается вывод, что препозиция местоимения *который* не связана с базовым порядком слов и является результатом выдвижения из именной группы, которая предварительно подвергается тематической препозиции.

Кажется, однако, что описанное различие между относительным местоимением и существительным не может быть основанием для приписыва-

¹⁷ В таблице учитываются все случаи, в которых обладаемое следует сразу после посессора, выраженного местоимением *который*, т. е. учитываются, в частности, примеры, в которых обладаемое занимало бы ту же линейную позицию и вне контекста релятивизации.

ния им различных синтаксических позиций, поскольку возможность подобного различия в порядке слов предсказывается по соображениям, независимым от общей синтаксической структуры предложения. Как отмечает Дж. Хокинс [Hawkins 1983], в языках, в которых используются предлоги, а не послелогои, действует следующее правило: если некоторый тип составляющих, атрибутивно модифицирующих именную вершину, в базовом порядке слов находится от этой вершины справа, то же верно для всех «более тяжелых» (то есть в среднем содержащих большее количество слов) типов атрибутивных зависимых, т. е. действует следующая иерархия:

$$(16) \text{Prep} \supset ((\text{NDem} / \text{NNum} \supset \text{NA}) \& (\text{NA} \supset \text{NG}) \& (\text{NG} \supset \text{NRel}))^{18}$$

В иерархии различные типы последовательности NG представлены только одной группой, однако очевидно, что местоимение в родительном падеже должно быть «более легкой» составляющей, чем именная группа в родительном падеже. Таким образом, естественно ожидать, что в языках с предлогами, в частности в русском, именная группа будет оказываться в постпозиции к определяемому существительному с большей вероятностью, чем местоимение. Следовательно, расхождения в порядке слов между существительными и относительными местоимениями именно в эту, ожидаемую, сторону не могут быть доказательством того, что местоимение при этом находится за пределами именной группы.

Более правомерным кажется сравнение относительных местоимений с другими группами местоимений. При этом оказывается, что рассматриваемый случай препозиции генитивного определения относительно вершины в истории русского языка не уникален. Во-первых, как известно, к форме родительного падежа восходят притяжательные местоимения третьего лица (*его, ее, их*). Во-вторых, по всей видимости, в истории языка были нередки и случаи препозиции других местоимений (*один, другой*)¹⁹:

(17) *По третью сторону на мягком ложе лежал служитель сна, который был весьма искусен представлять других походку, вид, голос и всякие телодвижения* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)) (НКРЯ).

При проверке гипотезы Е. А. Лютиковой о трансформационном происхождении порядка слов, при котором зависимое местоимение предшествует своей вершине, логично обратиться к контекстам, где препозитивное за-

¹⁸ В (16) используются следующие условные обозначения: Prep — в языке используются предлоги; NDem — указательное местоимение следует за вершиной; NNum — числительное следует за вершиной; NA — группа прилагательного следует за вершиной; NG — группа зависимого именного типа в родительном падеже следует за вершиной; NRel — относительное предложение следует за вершиной.

¹⁹ Впрочем, доля препозиции у этих местоимений значительно меньше, чем у местоимений *который* и *кой*.

висимое в пределах именной группы и относительное местоимение, вынесенное в начало клаузы, будут занимать различные линейные позиции, — прежде всего, к предложным группам. Трансформационная гипотеза предсказывает, что местоимение должно оказаться в абсолютном начале клаузы, гипотеза о порождении относительных местоимений в препозитивной позиции — что местоимение должно занять позицию между предлогом и существительным.

Такая проверка, однако, не дает однозначного результата, точнее, дает результат, не предсказанный ни той, ни другой гипотезой: в НКРЯ фиксируются оба типа примеров²⁰:

- (18) *Заимствованные времена принимают многие глаголы, **которых** в пример служить могут: 1) превосхожу в прошедшем неопределенном имеет от себя превосходить — от хожу, ходилъ...* (М. В. Ломоносов. Российская грамматика (1755)) (НКРЯ);
- (19) *Офицер Гине, на **которого** сестре женат сын Татищева, приехал в Москву, помнится, в начале 1785 года...* (Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии (1784—1792)) (НКРЯ)²¹.

Стоит, впрочем, отметить, что, во-первых, количество примеров, в которых местоимение оказывается в абсолютном начале клаузы, значительно меньше (не более 6 на 28 примеров с местоимением в позиции между предлогом и существительным), а во-вторых, в НКРЯ встречаются и примеры без «эффекта крысолова»²² (20), т. е. можно предположить, что су-

²⁰ Явление, во многом сходное с описанным выше, рассматривается в ряде работ, посвященных месоамериканским языкам [Broadwell 1999; Broadwell, Key 2004]. Различие заключается в том, что для этих языков не существует вариативности порядка слов: именное зависимое — посессор возможно только в постпозиции, а вопросительное местоимение в той же функции — только в препозиции. Это явление получило название «эффект крысолова, сопровождающийся инверсией» (pied-piping with inversion).

Интересно отметить, что в сапотекских языках, демонстрирующих «эффект крысолова, сопровождающийся инверсией», отмечаются те же два варианта порядка слов в предложной группе, которые фиксируются для русского: с вопросительным словом — посессором в абсолютном начале или между предлогом и существительным [Broadwell 1999].

²¹ Положение относительного местоимения между предлогом и существительным встречается, хотя и исключительно редко, и в современном языке в случае, если используется местоимение *кто* (о возможности препозиции данного местоимения см. в разделе 2.1):

(i) *...надо определиться по замечаниям выборочно (тех к **кого** мнению я заведомо готов прислушаться или чье мнение мне кажется меня поддерживающим)...* (Яндекс).

²² Такие примеры встречаются сравнительно редко; так, в текстах XVIII в. из 25 примеров, в которых относительное местоимение — посессор занимает первую

ществование примеров типа (18) связано в какой-то мере с необязательностью «эффекта крысолова», что очевидно неприменимо к примерам типа (19).

- (20) *В правой стороне открывается каменный хребет, **которого видны в иных местах острые и голые концы*** (А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь (1790)) (НКРЯ).

Таким образом, в истории русского языка возможным и сравнительно частотным был порядок слов, при котором относительное местоимение — посессор находится в позиции непосредственно перед обладаемым, причем такой порядок слов, по всей видимости, не связан или не всегда связан с выносом относительного местоимения за пределы именной группы.

3. Конструкция с внешним посессором

3.1. Базовые свойства конструкции с внешним посессором

В настоящей работе под конструкцией с внешним посессором понимается такая конструкция, в которой посессор не является синтаксическим зависимым обладаемого и зависит от глагола, причем посессор или обладаемое оказываются в позиции, не предусмотренной аргументной структурой глагола, как в примерах (21)—(22):

- (21) *В пылу научной полемики **Илья Иосифович выбил своему оппоненту зуб**, и тот, униженный и оскорблённый, подал в суд* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. 2000. № 8—9) (НКРЯ);
- (22) *Житель поселка **Дорожников был менее пьян и поэтому выиграл спор, ударив оппонента по голове** первым попавшимся под руку тяжёлым инструментом* (Яндекс).

Так, например, в (21) использован глагол *выбить*, который, как видно из (23), не имеет обязательной синтаксической валентности на дополнение в дативе, а также, очевидно, семантической валентности, которой бы соответствовало такое дополнение, поэтому именная группа *своему оппоненту* в (21) признается внешним посессором.

- (23) *Можно надеть перчатку и **выбить стекло в окне**, но таким же ударом стекла не вставишь* (Даниил Гранин. Зубр (1987)) (НКРЯ).

В работах, посвященных внешнему посессору, границы этого явления проводятся по-разному. Из спорных случаев, перечисленных в [König 2001: 971], для нашей работы важен следующий: в части исследований к

позицию, а обладаемое не является подлежащим, только в трех между посессором и обладаемым находятся другие составляющие. По техническим причинам рассматривались только относительные конструкции с неодушевленными вершинами.

числу конструкций с внешним посессором относятся только те, в которых позицию, не соответствующую никакой глагольной валентности, занимает посессор, т. е., согласно этому подходу, внешним посессором является 'оппонент' в (21), но не в (22). В других работах внешний посессор выделяют в примерах обоих типов, а эти типы часто рассматриваются как два подкласса конструкции с внешним посессором. Так, в работах [Кибрик 2003; Леонтьев 2008; Брыкина 2009 и др.] для этих классов используются названия **экстрапозиция посессора** (21) и **экстрапозиция обладаемого** (22), которых я буду придерживаться в дальнейшем. Как будет показано в разделе 3.2.3, свойства экстрапозиции посессора и экстрапозиции обладаемого при релятивизации различаются.

Существует ряд аргументов, доказывающих, что посессор в такого рода конструкциях находится вне именной группы, возглавляемой обладаемым.

Во-первых, посессор и обладаемое могут оказываться в различных линейных позициях, при этом между посессором и обладаемым могут находиться другие слова (24):

(24) *Оппоненту выбили зуб.*

Во-вторых, в конструкции с внешним посессором обладаемое может быть выражено местоимением:

(25) *Владимир Константинович вдруг снял свои очки, вытащил из кармана платок и стал им утирать глаза: они у него покраснели, застезились* (Яндекс).

В русском языке личные местоимения могут заменять только полные именные группы, поэтому сочетание слов *они у него* невозможно считать составляющей, по крайней мере составляющей типа именной группы.

В-третьих, при экстрапозиции обладаемого именная группа, соответствующая посессору, проявляет свойства, характерные для глагольных зависимых, в частности, как отмечает Я. Г. Тестелец, конструкция с посессором в позиции прямого дополнения допускает пассивизацию:

(26) *Он был схвачен за шиворот* [Тестелец 2001: 204].

Наконец, в [Тестелец 2001: 198—199, 204] в качестве свойства, указывающего на принадлежность дативного внешнего посессора к числу глагольных зависимых, используется способность контролировать дистрибутивную конструкцию. Под последней понимается такая конструкция, в которой именная группа во множественном числе присоединяет после себя местоимение *каждый* в единственном числе, но в той же падежно-предложной форме, что и именная группа [Там же: 198]:

(27) *удалил им каждому по два зуба* [Там же: 204].

Согласно Я. Г. Тестельцу [Там же: 198—199], способностью контролировать дистрибутивную конструкцию обладают многие типы глагольных

зависимых, но не приименное зависимое в родительном падеже. По всей видимости, дистрибутивную конструкцию в обычном случае не могут контролировать и другие типы приименных зависимых, ср. (28):

(28) **Я изучала его письма друзьям каждому по два года.*

Таким образом, различные свойства указывают на то, что посессор и обладаемое в конструкции с внешним посессором не образуют единой составляющей.

В следующем разделе будут рассмотрены некоторые свойства конструкции с внешним посессором при релятивизации.

Позицию внешнего посессора могут занимать различные относительные местоимения, однако в подавляющем большинстве случаев эту позицию занимает местоимение *который*, поэтому далее в разделе 3 будут рассматриваться, прежде всего, свойства данной конструкции с союзным словом *который*.

3.2. «Эффект крысолова» в конструкции с внешним посессором

При релятивизации возможно следующее интересное явление: в некоторых случаях на левой перфери относительной клаузы оказывается не только внешний посессор, но и обладаемое (29)—(30):

(29) *...мама, глаза у **которой** краснели от слез...* (Л. Н. Андреев. Валя (1899)) (НКРЯ);

(30) *...темный старинный шкаф, в бок **которому** упиралась железная койка...* (А. С. Грин. Бегущая по волнам (1926)) (НКРЯ).

Данное явление напоминает по своим свойствам «эффект крысолова» (см. о нем в разделе 2.4). Примеры, подобные (29)—(30), достаточно неожиданны, поскольку «эффект крысолова» считается свойством составляющей (см., например, [Тестелец 2001: 140—141]), а в конструкции с внешним посессором посессор и обладаемое, как было показано выше, проявляют свойства независимых составляющих²³.

Если признавать, что «эффект крысолова» возможен только в пределах составляющей, логически возможны два способа анализировать примеры, подобные (29)—(30): можно предположить либо что в них представлен не внешний посессор, либо что в них представлен не «эффект крысолова».

²³ С. С. Сай обратил мое внимание на то, что данное явление (вынос в начало клаузы единицы, не проявляющей свойств единой составляющей с относительным местоимением) далеко не ограничивается примерами с внешним посессором, ср., например, (i):

(i) *Предварительно варят куриный бульон, соль в **который** кладут по вкусу, желательно из петуха* (Яндекс).

Свойства такого рода примеров требуют отдельного изучения и далее в работе рассматриваться не будут.

Эти две возможности будут рассмотрены в разделах 3.2.1 и 3.2.2 соответственно.

3.2.1. Внешний посессор vs. часть составляющей

В обычном случае при релятивизации посессора внешний посессор и обладаемое демонстрируют все свойства независимых составляющих, перечисленные в разделе 3.1, ср. (31), в котором между посессором и обладаемым находится предлог и обладаемое выражено местоимением:

- (31) {Первый сегмент мезосомы подвержен редукции и у почти всех представителей не несёт конечностей}. Исключение составляют мечехвосты, у **которых** на нём располагаются небольшие пластинки — хилярии (Яндекс).

Можно, однако, предположить, что свойства единой составляющей появляются у обладаемого и посессора, когда последний находится в постпозиции.

Аргументом в пользу этого предположения может служить отмеченная Ю. А. Ландером конструкция, в которой «внешние посессоры» с предлогом у относятся к сочиненным подлежащим в единственном числе, дающим множественное согласование на глаголе:

- (32) *Сломались компьютер у Петра и ксерокс у Павла* [Lander 2004: 318].

В примерах такого рода «внешний посессор» трудно считать зависимым глагола, т. к. в таком случае оба посессора относились бы к обоим конъюнктам, эллиптическая же трактовка исключается из-за множественного числа на глаголе. В связи с этим в [Lander 2004: 318] предлагается считать, что в примерах, подобных (32), внешний посессор в русском проявляет свойства внутреннего посессора. Далее высказывается предположение, что «внешний посессор» с предлогом у относится к числу «смешанных» конструкций, которые являются промежуточным этапом развития между внешним и внутренним посессором [Там же: 324]²⁴.

Таким образом, помимо первоначального предположения, что постпозитивный посессор всегда входит в ту же именную группу, что обладаемое, возможно и более слабое в логическом смысле утверждение, согласно которому постпозитивный посессор **может** демонстрировать **некоторые свойства** внутреннего посессора, одним из которых является возможность «эффекта крысолова».

Очевидным аргументом против более сильной формулировки является пример (25) выше, в котором обладаемое при постпозитивном внешнем посессоре выражено местоимением, а значит, по всей видимости, посессор не может быть его зависимым.

²⁴ Одним из оснований для этого предположения являются отмеченные в литературе случаи развития внутреннего посессора из внешнего [König, Haspelmath 1997: 586—587].

Кроме того, при постпозитивном внешнем посессоре, в частности при релятивизации, возможно использование дистрибутивной конструкции (см. о ней в разделе 3.1), что также является аргументом в пользу того, чтобы считать посессора зависимым глагола, а не обладаемого:

- (33) *В основном это не большие кабельщики [кабельные операторы. — М. Х.], покрытие у **которых** максимум по 5 тыс. у каждого (Яндекс).*

Некоторые возражения можно высказать и против более слабой формулировки, точнее, против того предположения, что данная формулировка объясняет возможность рассматриваемой конструкции.

Прежде всего, в той же позиции, что и обладаемое, в данной конструкции могут оказываться «лексикализованные» существительные, по отношению к которым вряд ли можно говорить о посессоре в обычном его понимании ((34), при [#]мышка которого; ср. также на *стреме у которых*, **стрем которых*; на *постой к которому*, *постой *которого!*⁷² у которого):

- (34) *В дверях появилась длинная фигура Таковского, под мышкой у **которого** была большая папка с документами, очевидно с нашими личными делами (Яндекс).*

В той же позиции могут находиться наречия *домой* (35) и *дома* (36):

- (35) *Ничем помочь не могу, — не обрадовал Вершинина пожилой ветврач, **домой к которому** Кузьма экстренно доставил своего четверолапого друга (Яндекс);*
- (36) *Курение в семье существенно утяжеляло течение астмы: соотношение риска новых приступов у детей курящих родителей равнялось 1,34 (1,01—1,77), $p < 0,05$ в сравнении с пациентами, **дома у которых** не было курильщиков (Яндекс).*

Кажется естественным считать, что у словосочетаний *домой к которому* и *в дом к которому* одинаковая структура (точнее, для сочетания *в дом к которому* должна быть допустима та же структура, что и для сочетания *домой к которому*); т. е., если признать, что это составляющие, придется считать, что во втором случае *к которому* образует некую единую составляющую с сочетанием предлога и существительного *в дом*, а не с самим существительным *дом* (точнее, такая структура должна быть по крайней мере одним из возможных вариантов).

Таким образом, если считать «эффект крысолова» диагностическим признаком составляющей, в рассматриваемой конструкции посессор может демонстрировать свойства единой составляющей с существительным (33), наречием (35)—(36) и, предположительно, предложной группой (30), (34). Такие свойства не ожидаются ни для внутреннего, ни для внешнего посессора, следовательно, в рамках такого подхода особенности данной конструкции невозможно описать как простую совокупность типичных свойств внутреннего посессора и внешнего посессора.

Стоит отметить также, что если для внешнего посессора с предложом у существуют некоторые независимые от релятивизации свойства, сближающие его с внутренним посессором (см. выше пример (32)), то для внешнего посессора в дательном падеже и для внешнего посессора с предложом к такого рода свойства неочевидны. Кроме того, косвенным аргументом против анализа этих типов посессора как внутренних является и тот факт, что при них сильно ограничен набор позиций, которые может занимать обладаемое (предположительная вершина), ср. (37) при невозможности **клетка/клетки к которому*²⁵:

- (37) *Она прижала меня в угол с наглостью бывалого животного, в клетку к **которому** попало чужое и слабое существо, и что-то шепеляво спросила* (В. Конецкий. Начало конца комедии (1978)) (НКРЯ).

Возможным аргументом в пользу того, что «внешний посессор» при релятивизации занимает положение внутри именной группы, является невозможность прономинализации обладаемого. Так, обладаемое может быть выражено местоимением при препозиции посессора (38а), но не при постпозиции посессора (38б):

- (38а) *{Но во время общих проб я видел только «взрослые», порочные глаза.} Единственный актер, у **которого** они были чистые и детские — это Савостьянов* (Яндекс);
- (38б) **Единственный актер, они у **которого** были чистые и детские — это Савостьянов.*

Однако, по всей видимости, этот запрет вызван какими-то причинами, не связанными напрямую со структурой составляющих: тот же запрет наблюдается и в том случае, если в анафорической функции использовано обладаемое, не выраженное местоимением:

- (39а) *Шизофренику кажется, что у него болит сердце, и они лечат сердце, он говорит болит желудок, они лечат желудок... но эти органы у него здоровы...* (Яндекс);
- (39б) **Сердце и желудок лечат шизофренику, эти органы у **которого** здоровы.*

Как кажется, рассмотренные в данном разделе аргументы дают основание считать, что свойства внешнего посессора при релятивизации не совпадают со свойствами внутреннего посессора и не представимы в качестве смешанного набора типичных свойств внутреннего и внешнего посессоров.

²⁵ Последняя особенность отмечена также в [Брыкина 2009: 57—58]. Там же приводится возможный аргумент в пользу того, чтобы считать, что внешний посессор с предложом к образует одну составляющую с обладаемым.

3.2.2. «Эффект крысолова» vs. коммуникативное передвижение

Другой возможный анализ предполагает рассмотрение слов, находящихся перед относительным местоимением, в качестве элемента, вынесенного в начало по причинам, никак не связанным с «эффектом крысолова». Такой элемент может быть по крайней мере топиком или ремой при инвертированном порядке слов²⁶.

При этом подходе одинаковую синтаксическую интерпретацию должны получить словосочетания *в крылатке* в (40) и *на кухне* в (41):

- (40) *А где же тот, в крылатке **который**?* (А. И. Свирский. Рыжик (1901)) (НКРЯ);
 (41) *Богатый патриций, на кухне у **которого** тогда жила моя прапрапрабабушка, спешно бежал из разорённого Рима* (С. Коровина. Ее острейшее величество // Трамвай. 1990. № 11) (НКРЯ).

Можно, однако, заметить, что между обычными случаями коммуникативного передвижения (40) и примерами, в которых предположительно представлен «эффект крысолова» (41), существует ряд различий.

Во-первых, коммуникативные передвижения, при которых выносимый в начало элемент оказывается перед относительным словом, характерны прежде всего для неформальной разговорной речи, что неверно для рассматриваемой конструкции. Распределение этих двух конструкций по устному и основному корпусам НКРЯ²⁷ представлено в табл. 7. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 7

Относительная частотность коммуникативных передвижений и рассматриваемой конструкции в устных и письменных текстах

	Устный подкорпус	Основной подкорпус	Доля устного подкорпуса
<i>который</i> , коммуникативное передвижение	10	14 ²⁸	0,4
<i>у которого</i> (-ой, -ых) в постпозиции к обладаемому	1	31	0,03

Во-вторых, в письменных текстах рассматриваемая конструкция является более частотным явлением. Это подтверждается данными в табл. 8. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

²⁶ На вторую возможность указала мне Е. А. Лютикова.

²⁷ В основном корпусе НКРЯ представлены преимущественно письменные тексты.

²⁸ Большую часть этой группы составляют примеры, явным образом имитирующие устную речь.

Таблица 8

**Частотность коммуникативных передвижений
и рассматриваемой конструкции**

	Со словами, предшествующими относительному местоимению	В произвольном контексте	%
<i>который,</i> Nom	5	9591	0,05
<i>у которого</i>	4	310	1,29

Наконец, предложения, подобные (40) и (41), по всей видимости, различаются и интонационно: в (40) вынесенный в начало элемент с необходимостью должен нести фразовое ударение, что неверно для (41).

Таким образом, коммуникативные передвижения, в результате которых некоторый элемент оказывается в начальной позиции в клаузе, в отличие от рассматриваемого явления, более характерны для устной речи, а в письменных текстах встречаются редко. Кроме того, они требуют особого интонационного рисунка, не характерного для рассматриваемой конструкции.

Следовательно, положение обладаемого в конструкции с внешним посессором при релятивизации вряд ли можно считать коммуникативным передвижением или близким ему по свойствам явлением.

С учетом данных, представленных в разделах 3.2.1 и 3.2.2, следует признать, что в рассматриваемой конструкции допустим «эффект крысолова», несмотря на то что данная конструкция не является единой составляющей.

**3.2.3. Допустимость конструкции
при различных типах внешнего посессора**

Из всего многообразия конструкций с внешним посессором (см., например [Леонтьев 2008: 33]) «эффект крысолова» допускает всего несколько разновидностей. В частности, не допускают «эффекта крысолова» все подтипы конструкции с экстрапозицией обладаемого, в частности конструкции с посессором, занимающим позицию подлежащего (42а—б), и конструкции с посессором, занимающим позицию прямого дополнения (43а—б):

(42а) *Петрович стоял рядом со шкафом и так был широк в плечах... что казалось, это стоят рядом два брата-близнеца (Ю. Коваль)²⁹;*

(42б) *??? Петрович, в плечах **который** был так широк...*

(43а) *...Король подумал, что королева дерется, и ударил ее стаканом по голове (Д. Хармс);*

(43б) *??? королева, по голове **которую** ударил король...*

²⁹ Примеры (42—45а) взяты из [Леонтьев 2008].

Из конструкций с экстрапозицией посессора «эффект крысолова» допускают, по крайней мере, конструкции с посессором, оформленным дательным падежом (30) или предложной группой с предлогами *у* (38) и *к* (37). При этом конструкция с дательным падежом допускает «эффект крысолова» во всех значениях, выделенных в [Леонтьев 2008: 46] («ситуация, предполагающая контакт с посессором», «ситуация с вовлеченным участником — бене-/малефактивом» и др.), а для посессора, вводимого предлогом *у*, как кажется, не вполне допускают релятивизацию «ситуации, за осуществление которых, по мнению говорящего, несет ответственность посессор» (44а—б) и «ситуации с декаузативным субъектом» (45а—б), по А. П. Леонтьеву [Там же: 60]:

- (44а) *Ценнейшие доски, не говорю уже о сборных щитах, у вас заключенные на дрова рубят и в обогревалках сжигают* (А. Солженицын);
 (44б) ^{??}*надзиратель, заключенные у **которого** рубят на дрова ценнейшие доски...*
 (45а) *Не решается у меня эта задача, хоть тресни;*
 (45б) ^{??}*ученик, задача у **которого** не решается.*

Таким образом, «эффект крысолова» допускают только конструкции с экстрапозицией посессора, причем он возможен не для всех выделяемых конструкций или, возможно, допустимость «эффекта крысолова» следует считать одним из критериев для отнесения или неотнесения конструкции к числу конструкций с экстрапозицией посессора.

3.2.4. Свойства конструкции

«Эффект крысолова» при внешнем посессоре демонстрирует частично те же свойства, что и при внутреннем посессоре.

Во-первых, «эффект крысолова» при внешнем посессоре встречается чаще, если обладаемое входит в предложную группу, как в (46), см. данные в табл. 9 (ср. сходные данные для внутреннего посессора в разделе 2.2). Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P \approx 0,02$).

- (46) *Или это один из его обычных мальчиков, в руку **которому** через несколько десятков страниц ложится холодная и надежная рукоять браунинга?* (В. Пелевин. Жизнь насекомых (1993)) (НКРЯ).

Во-вторых, «эффект крысолова» встречается при относительном местоимении *который* чаще, чем при относительном местоимении *кто* (47), см. табл. 10 (ср. с данными для внутреннего посессора в разделе 2.1). Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

- (47) *В этот великий миг каждый, в груди у **кого** бьется пролетарское сердце, должен встать на борьбу* (С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя (1937)) (НКРЯ).

Таблица 9

**Частотность «эффекта крысолова»
при обладаемом — части тела животного или человека
(стратегия с посессором в дативе)**

	С «эффектом крысолова»	Без «эффекта крысолова»	% «эффекта крысолова»
Обладаемое входит в предложную группу	8	110	7 %
Обладаемое не входит в предложную группу	2	171	1 %

Таблица 10

**Частотность «эффекта крысолова»
с относительными местоимениями *который* и *кто***

	С «эффектом крысолова»	Без «эффекта крысолова»	Доля «эффекта крысолова»
<i>у которого</i>	37	161	0,19
<i>у кого</i>	2	53	0,36

Таблица 11

Частотность «эффекта крысолова» во фразеологических сочетаниях

	<i>на глазах у кото- рого</i>	<i>у кото- рого на глазах</i>	Доля «эф- фекта кры- солова»	<i>под носом у кото- рого</i>	<i>у кото- рого под носом</i>	Доля «эф- фекта кры- солова»
Прямое значение	2	27	0,07	0	17	0,00
Переносное значение	73	48	0,60	9	20	0,31

Сходство этих свойств у конструкции с внешним посессором и конструкции с внутренним посессором при существенном различии в их структуре говорит, вероятно, о том, что эти свойства определяются не столько синтаксической структурой, сколько особенностями линейной цепочки, создающими сложности при речепорождении и восприятии.

Часто «эффект крысолова» встречается во фразеологических сочетаниях (*на глазах у которого, под носом у которого, за плечами у которого...*), причем в тех же сочетаниях, использованных в прямом значении, частотность «эффекта крысолова» оказывается ниже. Так, например, при употреблении словосочетания *на глазах у которого / у которого на глазах* в прямом значении (например, в сочетании, *у которого на глазах видеоочки*) предпочитается препозиция посессора, в переносном значении (например, в сочетании *на глазах у которого это случилось*) — постпозиция посессора. См. в табл. 11 данные для сочетаний *на глазах у которого* и *под носом у которого*. Различие в обоих случаях статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).